

Валерий Орлов-Корф

Рассказы о животных

Большая семья

«Ну почему вы опять стараетесь здесь пристроиться? Неужели вам не хватает места под крышей? Там и тепло, нет дождя, солнце не жжет! А вы все лезете и лезете ко мне в прихожую! вспомните, как три года назад я вас пожалела и как вы мне отплатили за мое добро? Кругом была грязь от ваших отходов, а писка и верещания? Даже страшно вспомнить!.. Нет уж, живите на улице, как все добрые птицы!» — так разглагольствовала на крыльце своего дома моя соседка баба Уля. Мне хорошо было видно через редкую листву, как она высокая и статная женщина с большими крепкими руками, снимала с балки потолка двух маленьких черных ласточек. Удивительно было то, что птицы не пугались бабы Ули, а спокойно отдавались ее рукам, как бы прячась в ладонях от внешнего беспокойного мира.

«Вам хорошо будет жить под крышей! Вот и прошлогоднее гнездо почти целехонько. Здесь вас никто не тронет и кот Васька не достанет, я его предупрежу!» — так увещевала их хозяйка и, выйдя с птицами на улицу, выпустила ласточек из

ладоней. Те несколько раз, что-то пропищали, взлетели и, сделав несколько небольших кругов у крыльца, устроились у старого гнезда и стали усердно в нем копошиться — ремонтировать.

Баба Уля долго смотрела в их сторону близорукими глазами, а потом обратилась к своему серому коту Ваське: «А ты Васенька — смотри!.. Не обижай моих красавиц, пусть живут спокойно!» Большой полосатый котище внимательно посмотрел в лицо хозяйке, потерся о ее ногу, трубой задрал хвост, выгнул спину и промяукав что-то на своем кошачьем языке, отправился в раскрытую дверь. Всем своим видом говоря: «Ну, сказала!.. Я все понял! Пусть живут! Пойдем пить молоко!»

Баба Уля (если ее так можно назвать) была не молодой, но крепкой женщиной. Мне было совестно называть ее «бабой Улей», но по имени отчеству в нашей деревне, редко кого звали. Все больше было слышно: «Бабушка, дедушка, дядя, тетя, дочка, сынок...»

Моя соседка жила в этом доме с самого детства, а если точнее — приезжала отдыхать с апреля по октябрь. Дом достался ей от матери, а та получила его от своей дальней родственницы. К зиме баба Уля уезжала в город, там была однокомнатная квартира, а весной вместе с грачами устремлялась на свою дачу. Была у нее дочка и два

внука, но они редко показывались в деревне.

Все свободное время баба Уля проводила с домашними и дикими животными. Односельчане были уверены, что она даже знает их язык и может спокойно разговаривать и с птицами, и зверями. Еще много чего говорили о моей соседке, но что я могу подтвердить точно — это то, что она своими большими ладонями могла вылечить любое простудное заболевание. Лет пять назад, я сильно простудился и громко, надсадно кашлял. Баба Уля увидев мои мучения, пригласила к себе в дом и сделала прогревание только одними ладонями. Хотите верьте — хотите нет, но моя хворь, только за два сеанса, исчезла полностью. Своими ладонями и заговорами лечила она многих односельчан, а некоторые приезжали из других деревень. Вот такая у меня знаменитая соседка — баба Уля!

Пропустив кота Ваську вперед, баба Уля подошла к старенькому холодильнику, который когда включался, грохотал, как грузовик (поэтому его и выставили в прихожую), достала банку с молоком и осторожно налила его в маленькое синее блюдце, и большую металлическую миску. Синее блюдце предназначалось для кошки Муськи, которая жила только в доме и никогда не выходила на улицу. Почему не выходила? Да просто боялась того мира, который находился за родными стенами. Кошка Муська была уже в годах, ей было более

десяти лет; она принадлежала к той породе, которых считают аристократами кошачьего мира. Густой белый мех и голубые глаза с какой-то немислимой поволокой, делали ее первой красавицей в округе, но любоваться ею могли только родственники и соседи бабы Ули. Ни о каких выставках или показах говорить не приходилось — кошку нельзя было показывать публике! Трагический случай в ее детстве, видимо нарушил психическое состояние животного и заставил опасаться всего окружающего мира. Десять лет назад баба Уля отобрала у хулиганов-мальчишек маленького белого котенка. Те сделали из полена корабль, посадили бедное животное, привязав его к мачте, пустили по водам бушующего ручья. Баба Уля случайно проходила мимо и увидела эту страшную картину. Она смело ринулась в глубокий ручей, схватила полено-корабль вместе с котенком, освободив последнего, крепко отругала хулиганов и забрала к себе напуганного малыша. Мальчишки бежали за ней до дома и просили отдать им котенка, но она пригрозила им, что отдаст только их родителям и расскажет, как они издевались над животным.

Конечно, за кошкой никто не пришел, и она осталась жить у бабы Ули. Сначала она подумала, что это кот и назвала его Мишкой. Позднее выяснилась принадлежность малыша к

противоположному полу, и Мишка превратился в Муську. Порода у кошки была особая и называлась «Сибирская». Как она попала в отдаленную деревеньку? — трудно сказать. Может быть, кто-то из дачников привез котенка из города, а мальчишки-хулиганы украли малыша для своих забав.

Я эту красавицу-кошку видел несколько раз на подоконнике раскрытого окна, где она принимала солнечные и воздушные ванны, но в саду никогда! По весне, отчаянные коты, не раз пытались выманить сибирскую красавицу из дома своим мяуканьем, но та твердо держалась простого правила: «Смотреть на меня — смотрите! А большего вам не обещаю!» Баба Уля для кошки и туалет сделала у входных дверей, за холодильником и всячески оберегала свою любимицу, которая в свою очередь, тоже не забывала хозяйку. Если у той заболели спина или ноги, кошка ложится рядом и начинает согревать своим теплом больное место. А если баба Уля не может уснуть и у нее болит голова, то пение-мурлыканье Муськи отгоняет всякую хворь.

Кот Васька был другой породы, которую называют «уличной» или «подвальной». В доме он находиться не мог, его тянуло на воздух, ему нужна была свобода передвижения и никаких замкнутых пространств. Баба Уля и нашла его на улице.

Поехала повидаться с подругой в город, а у подъезда дома, около забитого подвального окна сидел маленький серый котенок. Видимо, пока он гулял, проход окна закрыли, и он оказался выброшенным из своего дома. Одна лапка у него была кривая, кто-то сломал ему ногу и кость неправильно срослась. Вид у него был жалостливый. Покинутый всеми он встретился лицом к лицу с жестоким миром, где кроме голода и побоев ничего не видел. Конечно, баба Уля не могла спокойно пройти мимо и не обратить внимания на это худосочное существо. Она его подозвала, и котик смело поковылял к ней, чувствуя ее доброту и душевную щедрость. И не прогадал! Вот уже около трех лет, он находится рядом с ней и за это время превратился в большого серого котищу. К сожалению, дворовые гены были в него заложены глубоко и всегда давали себя знать в драках за еду и за кошек, в разорении гнезд, в воровстве плохо убранных продуктов.

У Васьки были и тайные грехи, о которых кроме него никто не знал. Про несколько таких проступков все могли только догадываться, предполагать, но указать на серого кота... увы, не могли!

Внук бабы Ули привез из города серую мышь. Мальчик мечтал научить ее ходить на задних лапках и выполнять его команды. Кое-каких

успехов он добился. При постукивании пальцами по столу два раза, зверек бежал на стук, где его ждало угощение. Внук показывал всем своего ученого мышонка. Конечно, кот Васька был в курсе семейных событий и не раз наблюдал за такими представлениями. Никаких порывов в сторону мыши у него не было; он только спокойно лежал и прищуривался, изучая это чудо природы. Всем зрителям была интересна такая реакция кота на мышонка. Может на него подействовали слова бабы Ули, что трогать это существо — нельзя! А может серый разбойник только выжидал удобного момента, чтобы расправиться с ученым мышонком за то, что тот в центре внимания, а его красавца — кота никто не замечает! Предполагать можно многое о исчезновении чудо-мышонка!

В один из дней внук обнаружил пропажу. Дверца в клетке была приоткрыта. А кто мог ее открыть? Мышонку не хватило бы сил раздвинуть проволоку, а коту, его сильным когтем, сорвать дверцу ничего не стоило. Внук погоревал, а потом потихоньку позабыл о своей забаве. Кота Ваську поругали для «приличия», а тот только удивленно смотрел в глаза говорившего и слабым фырканьем выражал свое недоумение.

Похожий случай произошел и с гнездом мелких птах, которые в густых кустах шиповника собрались устроиться на жительство. Баба Уля,

знавшая все о своих гостях, предупредила кота об охране их гнезда, и тот своим мурлыканьем дал понять, что он понял хозяйку.

Через пару недель, после появления птенцов, кто-то разодрал гнездо и уничтожил малышей. Кто это сделал? Загадка!.. Может быть, к этому причастна ворона, а может быть и Васька?! И все же это был смелый и отчаянный кот. Появившись в этой деревне, он со временем навел свой порядок. Раньше здесь преобладала порода с окрасом белых и черных пятен, а теперь стали рождаться только серые котята. Никаких белых, черных и рыжих котов около дома бабы Ули не было видно, да и собаки стали проходить мимо, стараясь быть незамеченными котом. Серый кот Васька властвовал над всеми! Почти каждый день, жители деревни жаловались бабе Уле на поведение кота и та, перед тем, как разлить молоко по мискам, долго выговаривала серому сорванцу, как себя надо вести с окружающими. Кот Васька всегда ее внимательно слушал, беззвучно открывал рот, смотрел в глаза хозяйке и все как будто хотел сказать: «Ну, хватит! Поговорила, я тебя понял! Перевоспитаюсь! Давай наливай молоко, а то я проголодался!» Хозяйка его тоже хорошо понимала и не досказав всего, что накипело у нее в душе, кормила серого «разбойника».

Кот Васька никогда не был жадным, ел всегда

в меру, оставлял и другим жителям двора пищу. А нахлебников у бабы Ули было много. Днем у крыльца, около миски, толпились вороны с сороками, а если что-то оставалось, подъедали драчливые воробьи. Кот всю эту живность не трогал, он считал ее своей семьей.

Вечером, когда миска снова наполнялась едой, около нее появлялись двое ежей и большая черная змея. Ежи, быстро перекусив, исчезали в ближайших кустах. Змея любила только молочную пищу и, подождав, когда насытятся и уйдут ежи, не спеша подползала к миске и принималась за вечернюю трапезу. Она не обращала ни на кого внимания; кот Васька, лежа на крыльце, тоже делал вид, что этот гость его не интересуется.

Про эту змею надо рассказать особо. Она появилась на участке бабы Ули год назад и спокойно жила в древесном хламе за картофельным полем. Этот хлам оставили мужики, которых баба Уля наняла за литр водки почистить от зарослей свой земельный участок. Они все хорошо вычистили, собрали мусор в кучу и попросили хозяйку выдать частичное вознаграждение за выполненную работу; им оставалось вывезти этот хлам с участка. Баба Уля по доброте душевной отдала им литр водки, а надо было налить по сто грамм, а остальное выдать позже. Мужики так напились, что ни о какой работе говорить не

приходилось! Очнувшись от богатой выпивки, они разбрелись по своим домам и больше баба Уля их не видела. Так и остался этот хлам. Баба Уля из этих отходов, каждый день брала сухие ветки для растопки печки. Однажды, собирая щепу, она услышала незнакомые угрожающие звуки: «Пш... пш...» На свою беду она забыла дома очки, низко наклонилась и стала рассматривать землю, среди высохших веток увидела большую черную змею, та свернулась в кольцо и выставила голову с раздвоенным язычком и приготовилась к нападению. Баба Уля не растерялась, а спокойным и тихим голосом сказала: «Что ты дурочка! Испугалась? Я тебе ничего плохого не сделаю! Только возьму несколько веточек и уйду! Змея как будто поняла человеческую речь, перестала издавать угрожающие звуки и положила голову на свои кольца. Собрав хворост, баба Уля ушла, а через некоторое время принесла из дома блюдо с молоком. Так продолжалось около недели. Потом она предложила змее самой ползти к крыльцу за своим обедом; та ее поняла и каждый вечер появлялась у миски. Но этой дружбе человека со змеей пришел печальный конец. Змея так вольготно жила на даровых хлебах, что обзавелась большим семейством. Маленькие змейки стали ползать по грядкам бабы Ули и ее соседей; те подняли тревогу, стали искать причину нашествия змей. Скоро все

выяснилось! Соседские мужики разогнали змей, разобрали хворост и вспахали участок. В деревне наступили мир и спокойствие, а семья бабы Ули потеряла одного «нахлебника». Зато вскоре появился другой — аист!

Каждую весну в деревню прилетали эти большие, красивые птицы, они селились на водокачке, недалеко от дома бабы Ули. На ее глазах появились маленькие птенцы, которые постепенно оперялись, потом превращались в больших красивых птиц; в конце августа они свободно летали самостоятельно, а в сентябре вся большая семья улетала в теплые края. В этом голу все было, как обычно, если не считать того, что папу-аиста, мама и дети выгнали из гнезда, не давая ему даже приближаться к своему жилью. Что случилось? Это был вопрос для всей деревни. Предполагали многое, но остановились на двух версиях: папа-аист чем-то заболел, и мать не допускала его к детям; вторая — папа-аист стал слишком стар и теперь не нужен своим детям. Аиста жалела вся деревня. Ему приходилось ночевать на крышах домов, где его сгорбленная фигура выражала невыносимую тоску о своей любимой семье. Все гадали, что же будет дальше? И произошло то — во что трудно поверить! Папа-аист решил покончить жизнь самоубийством. Свидетелем этой страшной трагедии и стала баба Уля.

За ее земельным участком проходила высоковольтная линия. Провода на столбе были натянуты в два ряда. Расстояние от вершины столба до первой линии проводов было около метра. В тот злополучный вечер баба Уля отдыхала на лавочке около крыльца, любовалась закатом солнца, настроение ее было прекрасное. Вдруг над домом низко пролетел аист. «Наверно направился в болото за лягушками» — подумала она, но птица, пролетев ее участок, опустилась на столб с проводами. «Интересно, что он собирается здесь делать?» — была вторая мысль бабы Ули. Аист стоял на верхушке столба и был как — будто в замешательстве. Так продолжалось минуты две или три, потом птица упала вниз, и раздался страшный треск, сноп искр разлетелся по сторонам и... все стихло! Баба Уля почти бегом бросилась к месту падения птицы. Раздвинув низкорослый кустарник, она увидела аиста-папу, лежащего на помятой траве; одно его крыло слабо шевелилось, а другое он придавил своим телом, клюв был полуоткрыт, глаза закрыты. Сердобольная женщина вытащила тело птицы из кустов, завернула в большой платок и понесла к дому. Через минуту аист очнулся, закрутил головой и несколько раз пытался клюнуть спасительницу, но та ловко схватив его за шею, не дала себя в обиду.

Баба Уля донесла аиста самоубийцу до своего

сарая и оставила его там до утра. Утром следующего дня выпустила птицу на свободу. О чем думал аист в своем ночном заточении? — неизвестно, но два последующие дня он летал вместе с молодыми аистами на болото и даже ночевал рядом с гнездом, а потом все повторилось сначала. Снова прилетел к столбу, опять упал на провода, и баба Уля его унесла в сарай, где он жил три дня, так как при падении сильно повредил ногу. Хозяйка его и лечила, и кормила лягушками, за которыми ходила на болото. Потом аист-папа улетел и никто его больше не видел. Мама-аист и ее дети в положенное время высоко поднялись над деревней, пролетели три раза по кругу и с прощальным криком унеслись в далекие края.

В деревне, еще с неделю поговорили о странной семье аистов, да и забыли. Зато жители сарая бабы Ули еще долго помнили внезапное вторжение большой птицы в их спокойную жизнь. В сарае жили в одном углу три курицы и петух; в другом, в большой клетке, два толстых неповоротливых кролика. Петух особенно заволновался, когда в его владения принесли полуживого великана. Как и всякого мужика, его заинтересовал вопрос: «А что будет, если эта огромная птица придет в себя и будет приставать к его курицам? Как ему небольшого ростика петуху справиться с таким великаном?» И вот наш

петушок старательно забрался на самую высокую перекладину и оттуда с превосходством грозного воина, презрительно выкрикивал оскорбления на потенциального противника, который на него не обращал никакого внимания. Петуху это невнимание было обидной пощечиной: «Как его — такого красивого, сильного, молодого и не замечают!» Он топал ножками, махал крыльями и по петушинуму всячески оскорблял большую птицу.

Утром следующего дня, выполнив петушине обязанности в своем семействе, он через щель в заборе залез в соседний двор к чужим курам, которые недавно потеряли своего предводителя (его утащил коршун). Куры были рады появлению молодого красавца и гурьбой окружили нового повелителя. Петух «потоптав» соседнее семейство успокоился и вернулся в свой двор. Аиста уже не было, и он вновь почувствовал себя властелином мира. Как и всех, кто рвется к большой власти, преследует злой рок, так и нашего петушка вскоре задрала лиса. Петух бабы Ули на самом деле оказался сильной и смелой птицей. Когда «рыжая ворюга» схватила его подружку, он смело бросился на ее защиту и ценой своей жизни спас обезумевшую от страха курицу.

Кроме куриц в сарае жили кролики, появились они в сарае давно. Внук, приезжавший на лето к

бабушке, любил с ними возиться. Вытащит клетку из сарая, выпустит кроликов на лужок, а сам сидит и наблюдает за их поведением на свободе. А «вислоухие» получив неожиданную свободу и обезумев от яркого летнего солнца, и сочной травы, сначала стремятся куда-нибудь убежать от надоевшей клетки. Потом успокаиваются и с большим рвением начинают уплетать вкусные стебли. Осенью, перед отъездом в город, баба Уля своих ожиревших кролей обычно меняет на свиное сало или мед. На следующий год внук снова привозит очередных «вислоухих» и все повторяется снова.

Сарай был крепкий и помнил много своих жителей. Раньше там жили свиньи, коза, овцы, а однажды появилась и корова.

В деревне у нашей хозяйки было много родственников: двоюродные, троюродные братья и сестры со стороны отца или матери. Одной из дальних родственников была и баба Тося — старушка лет восьмидесяти, маленькая, сухонькая с какой-то кривизной во всем теле. Ее походка напоминала «утиное перешагивание», спутать ее с кем-то на улице было довольно сложно. Жила она в доме, построенном отцом после войны на краю деревни около кладбища. Своим родственникам, часто смеясь, говорила: «Хоронить меня легко, завернете в одеяло, перетащите через тропинку на

кладбище, выроете яму, закопаете, сверху положите камушек и выпьете рюмочку за мою душу!»

Проработала баба Тося всю жизнь дояркой. Она легко управлялась с коровами. Маленькая, кривенькая она удобно устраивалась под животными и сухими крепкими пальцами доила. Когда вышла на пенсию, колхоз подарил ей корову за многолетний труд. Корова была такая же маленькая как баба Тося, но с выменем как у коровы рекордсменки. Некоторые жители деревни, которые ленились заводить коров, покупали у бабы Тоси молоко, этим она и кормилась на пенсии.

Интересно было слушать ее воспоминания о прошлой деревенской жизни. Родилась она еще при царе. Хорошо помнила, как уходили на первую мировую войну, крестьянские парни. Село было большое и богатое. Домов-усадеб и не сосчитать — больше сотни. В каждом доме кроме коровы и лошади, множество мелкого скота и птицы. В праздничные дни были службы в большой белой церкви; по всей деревне звучал «малиновый» перезвон колоколов. О революции семнадцатого года рассказывает неохотно. Всех крепких хозяев разорили, многих выслали на Колыму или расстреляли. Согнали людей в колхоз, который и прокормить никого не мог. К сороковому году только начали подниматься, нагрянула вторая мировая война. Пришли немцы, правда ей повезло,

на постой поставили унтера, который руководил сбором продовольствия. От его стола и ей кое-что перепадало. Два года деревня жила под немцами. После войны только два дома осталось пригодных для жилья — остальные или сожгли или разрушили. В ее дом попала бомба, она спаслась чудом... ходила в лес за грибами, а все имущество пропало! Жила в землянке, пока с войны не пришел отец, он и построил небольшой, но удобный дом. Отец прожил в нем не долго, года и ранение быстро свели его в могилу; она осталась одна, мать еще до войны умерла, так одна и жила в этом доме. У бабы Ули прожила года три, а попала к ней из-за большого несчастья — у нее сгорел дом. Как потом выяснилось, пожар возник из-за проводки. Если бы она осталась дома, то могла бы погибнуть, но ей что-то понадобилось в магазине, а корова была на выгоне. Баба Уля устроила родственницу у себя, для коровы переоборудовали сарай, а старухе и в уголке дома места хватило. Так семейство бабы Ули пополнилось еще двумя членами. Все были довольны новыми постояльцами, особенно коты. Свежее молоко их всегда ждало на завтрак и ужин. Это счастливое время хорошо помнит Муська, может и жалеет о прошедшем, но ничего никому не говорит. А вот Ваське не повезло, в это счастливое время его еще не было на свете и он, к сожалению, не может отличить магазинное молоко от своего

домашнего.

Для бабы Тоси и ее коровы жизнь всегда проходила полосами: в светлой — радостные дни, в черной — полная невезуха, переходящая в трагедию. Не повезло коровушке... захотела родить теленочка, а возраст не позволял! Что думала баба Тося — неизвестно! Может, надеялась на русское «авось» — вдруг повезет?! Она всю жизнь проработала дояркой и через ее руки прошли сотни коров. Одним словом, корова погибла, а теленочек задохнулся. Для бабы Тоси наступили «черные» дни. Она винила себя в гибели своей любимицы. Баба Уля успокаивала ее, как могла, просила старушку побережься, но та на своей жизни «поставила крест» и вскоре ушла вслед за коровушкой.

Похоронили ее по христиански; сосед дядя Петя за два литра водки, привез из районного центра дешевый сосновый гроб, выкопал могилу на кладбище и помог с похоронами.

Вот так семейство бабы Ули то пополнялось, то убывало, но всегда хозяйка принимала всех нуждающихся в защите. Такова русская женщина!

Джулбас

Арон проснулся внезапно, постель со стороны жены была холодной и неприветливой. Он лениво

протянул руку, стараясь нащупать желанную теплоту, и не нашел. Натянул на себя одеяло, тепло медленно возвращалось в его постель. «Пора вставать!» — надоедливая мысль все больше тревожила его; с трудом открыл сонные глаза... черный потолок, серое окно, где на стекле слабо светились бусинки воды. В проеме двери виднелся отсвет огня, видимо, жена еще только растопила печь. Интересно, который час? Раньше петух своим резким пением тревожил его сон. Начиная с четырех утра и до семи, каждый час, отбивая положенное время. За такое усердное рвение красавца петуха отправили в котел; вместо него купили большие настенные часы, но и те (не хуже петуха) не давали Арону спать, и он отключил их бой. Потом приобрели сразу три будильника: два электронных, которые сломались в течение месяца, и один механический. Последний работал усердно, но почему-то «бежал» в сутки на десять минут. Ручные часы тоже были на прикроватной тумбочке, но маленький размер цифр трудно разглядеть в утренней полутьме. Вернее всего — жена! Она просыпается по своему внутреннему чутью... и всегда вовремя! Со стороны окна раздался скрип: черная ветка терлась о стекло, капли воды бежали вниз кривыми ручейками, вырисовывая какое-то изображение. Арон долго смотрел на причудливую картину, и вдруг ему показалось, что есть какое-то

сходство с силуэтом собаки. Сон, как «рукой сняло» — должна была оцениться его любимица, огромная кавказская овчарка. Она каждый год радовала хозяина своим приплодом (приносила от трех до пяти щенков). Их продажа была одной из финансовых статей у Арона, поэтому ему приходилось серьезно относиться к этому делу. Дорого стоили крепкие, рослые собаки, а слабые только отнимали время и корм; он тщательно отбирал свой живой товар, без всякой жалости решал, кому из них жить, а кому уйти в иной мир. Так делали его родители и все знакомые владельцы чистопородных собак.

Арон откинул теплое одеяло, опустил ноги на холодный пол, и стал нащупывать тапки, которых, как всегда, не было на месте. Настроение постепенно ухудшалось; пришлось встать на колени и осмотреть все прикроватное пространство. Наконец, тапки нашлись и он, накинув на себя старый халат, не спеша отправился на кухню, где было светло и тепло. Жена, растопив печку, месила тесто для лепешек. Постояв около жены и перебросившись парой незначительных фраз, Арон посмотрел на мутное стекло, поежился и отправился во двор. Не успев пройти и двух метров в сторону сарая, почувствовал сильный озноб. Пришлось вернуться в дом, набросить на себя еще пару теплых вещей, надеть резиновые сапоги и

только тогда отправиться к собаке.

Сарай, где находилась собака, раньше считался летним жильем, но по своей ветхости превратился в нежилое помещение; Арон его утеплил и там размещал всех домашних животных. Их было не мало: десяток куриц (без петуха), свинья (вернее кабанчик), коза с двумя козлятами и собака. Всем хватало места в помещении. Одно не нравилось хозяину — неудачно расположенный вход, чтобы попасть к животным, надо обойти пристройку по заросшей тропе. Сколько раз он собирался расширить дорожку, почистить от веток и травы... но все не хватало времени! Вот и приходилось мучиться от сырой, непролазной поросли. Приняв на себя холодный душ с веток, он, наконец, добрался до заветного места, отбросил щеколду, толкнул дверь ногою и осторожно вошел в темноту, зажег свет. После холодного двора в помещении было тепло и уютно. Курицы в своем закутке недовольно захлопали крыльями — холодный воздух разбудил их. Кабан, здоровый и толстый, повернулся к нему задом и неприветливо хрюкнул, наверно, чувствовал, что жить ему осталось совсем немного и скоро из него наделают много колбас, и другой мясной вкуснятины. Коза за своей перегородкой, слабым бляньем пыталась успокоить двух своих резвых детишек, все что-то деливших между собой. Места хватало всем,

правда, немного тесновато, но между собой не ссорились! Около окна стоял большой столярный верстак, где ему часто приходилось заниматься ремонтными работами. Под этим верстаком, на охапке чистой соломы, лежала его любимица — чистокровная кавказская овчарка, приносявшая каждый год породистых щенков. Вот и сейчас, Арон ожидал появления нового приплода; каждое утро приходил к своей овчарке. Он боялся опоздать, беспомощных новорожденных могли погубить большие прожорливые крысы, однажды такое произошло! Заглянув под верстак, увидел свою красавицу, а около ее брюха копошилось несколько темных комочков.

«Успел!» — радостно сказал он себе и, направив свет на собачье семейство, увидел такую картину: два комочка уже освоились в новом мире, захватив плотно мамшины соски, ожесточенно высасывали живительную влагу. Три других в каком-то онемении, слабо двигали ножками, точно раздумывали: остаться ли во вчерашнем сне или сделать шаг в будущее. Понаблюдав, хозяин решил: двух присосавшихся щенят оставить, а остальных трех... утопить, чтобы сами не мучились и другим не мешали жить. Только он принял это решение, как один из трех слабых комочков, почувствовав свою страшную участь, задергал сначала одной лапой, потом остальными, разинул беззубую пасть

и, барахтаясь, пополз к соску матери. «Ишь ты, как захотелось жить! Сразу очухался!» — тихо засмеялся Арон. Поднявшись с колен, он пошел за ведром с водой. Скоро два не проснувшихся щенка, так и остались в неведении о живом мире — тихо погрузились в холодную воду и ушли в небытие.

Хозяин, погладив по животу свою красавицу-собаку, с ведром вышел во двор; сырая скользкая тропинка вывела его в дальний конец сада, а там, через огород к речке. Выплеснув содержимое в воду, он, пожившись от утреннего холода, направился к дому, выполнять свою обычную работу по кормлению живности. Потом, плотно позавтракав, поехал на базар, где работал сторожем, уборщиком и продавцом у своего тестя. Базар находился далеко от дома, и добираться до него было сущим мучением: сначала надо было ждать на остановке автобус, который ходил не по расписанию, а как получится, потом попасть в переполненную машину и минут тридцать ехать до работы. Как он мечтал иметь собственную машину! Хотя бы плохонькую, но свою!

Арон давно копил деньги на свою мечту: каждый щенок, козленок, поросенок, для него превращался в «хрустящие бумажки», которые тщательно собирались и прятались в укромном месте. У его приятеля-соседа уже давно стоял во дворе «Москвич»... ему помогли родственники!

Арону приходилось надеяться только на себя! Лет двадцать назад он приехал в этот небольшой городишко из своего горного аула. Приятель его отца пригласил Арона погостить у себя, пообещал устроить на работу и дать возможность немного заработать. Арон недавно пришел из Армии; работа пастухом его не устраивала и он с радостью согласился. У друга отца были свои взгляды на него — надо срочно пристроить младшую дочь, которая переболела в детстве опасной болезнью, хромала на левую ногу. Арон — высокий, стройный, красивый, а главное покладистый и работающий, сразу понравился старику-отцу девушки и... через год его женили.

У старика было две дочери: старшую — красавицу, выдали замуж давно; она жила в другом городе и редко посещала своих родителей. А вот с младшей... пришлось помучиться, с трудом устроили и ее жизнь!

Старики жили в небольшом, но удобном доме с садом и огородом. Половину дома они предоставили молодым. Часто, за чашкой чая, они вспоминали историю постройки этого жилища. Много лет назад тесть со своим приятелем, после службы в Армии, завербовались на строительство химического комбината в центре России. Молодым строителям пообещали сразу предоставить общежитие, а комнату или квартиру позже. Друзья

пять лет ждали обещанного, но так и не дождались! Общежитие, со своим «койко-местом» и кривой тумбочкой рядом, им надоело. Решили строить дом сами. Всеми «правдами и неправдами» приобрели на краю города небольшое полуразвалившееся строение. Два молодых парня, после работы на комбинате, строили свой дом, куда собирались привести своих любимых. Дом строили на две семьи. Чтобы не ссориться из-за расположения квартиры, решили в конце строительства бросить жребий: кому жить с окнами на улицу, а кому в сад. При покрытии крыши шифером, приятель тестя поскользнулся на сырых досках и упал с высоты шести метров. Пока вызывали «скорую» и ждали врачей, он умер. Тесть один достроил дом; поехал к себе на Родину, где мать подобрала ему девушку в жены. Женился! Приданное у жены было небольшое: маленький чемодан с личными вещами и щенок чистокровной кавказской овчарки. Привез жену к себе домой и счастливо зажил. Все вроде бы хорошо складывалось, но работа на химическом комбинате повлияла на его здоровье... «забарахлили» легкие и печень! Он уволился с производства и устроился сторожем-уборщиком на местном рынке, куда его взяли только из-за огромного пса, который сразу распугал своим видом всех воришек и бездомных животных. Заодно, стал приторговывать бараньим мясом,